УДК 281.9(571.54)
ББК 86.372.81-4(2Рос.Бур)
DOI 10.31554/2222-9175-2019-33-22-29

С. В. Васильева, С. В. Бураева

МЕТРИЧЕСКИЕ КНИГИ В СТАРООБРЯДЧЕСКОЙ СРЕДЕ ЗАБАЙКАЛЬЯ

В статье анализируются сложности документирования и удостоверения актов гражданского состояния, прежде всего вопросов фиксации браков у старообрядцев. Основная часть работы посвящена освещению проблема обязательности записей в метрические книги, которая спровоцировала один из самых серьезных кризисов как внутри старообрядческого движения, так и в его взаимоотношениях со светскими властями и Русской православной церковью. Рассмотрен формуляр метрических книг, особенности их заполнения, сформулированы причины отказа большинства старообрядческих сообществ от использования подобных учетных документов. Особое внимание уделено характеристике законодательства, которое сохраняло господствующее положение официального православия и неравноправие, по сравнению с ним, представителей других вер.

Ключевые слова: гражданское, семейное, церковное право, метрические книги, старообрядчество, Забайкалье.

S. V. Vasilieva, S. V. Buraeva

METRIC BOOKS IN THE OLD-BELIEVERS ENVIRONMENT OF TRANSBAIKALIA

The article analyzes the difficulties of documenting and certifying acts of civil status, especially the issues of recording marriages of the Old Believers. The main part of the article is devoted to highlighting the problem of mandatory metric books records, which provoked one of the most serious crises both within the Old Believer movement and its relations with secular authorities and the Russian Orthodox Church. The form of metric books, features of their put-in are considered, the reasons for mass refusal among the Old Believer communities to use such accounting documents are formulated. Particular attention is paid to the characterization of legislation, which preserved the dominant position of official Orthodoxy and inequality, in comparison with it, of representatives of other faiths.

Keywords: Old Believers, Transbaikalia, metric books, family law, church law.

В старообрядческой среде в ведении уставщиков были вопросы разрешения на брак (с точным выяснением степени родства жениха и невесты), венчания, крещения детей и т. п. В чем была сложность осуществления этих

ВАСИЛЬЕВА Светлана Владимировна – доктор исторических наук, доцент кафедры всеобщей и отечественной истории Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Бурятский государственный университет» (Улан-Удэ, Россия). E-mail: sv_vasilieva@mail.ru.

БУРАЕВА Светлана Валерьевна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН» (Улан-Удэ, Россия). E-mail: ladys@inbox.ru.

функций? Рассмотрим это на примере документирования и удостоверения актов гражданского состояния, прежде всего вопросов фиксации браков.

Известно, что в дореволюционной России семейные правоотношения регулировались преимущественно нормами церковного права. Представители различных конфессий заключали брак в соответствии со своими религиозными обычаями. И только старообрядцы, составлявшие значительную часть населения России, до второй половины XIX в. были лишены этого права.

Ситуация изменилась с принятием 19 апреля 1847 г. Высочайше утвержденных Правил о метрической записи браков, рождения и смерти раскольников. Согласно им, жених и невеста, принадлежащие к раскольниковой среде, имели право с целью зарегистрировать свой брак подать заявление в полицейское или волостное управление. По истечении 7 дней заинтересованные лица получали свидетельство о регистрации своего заявления. Затем «для записи брака в метрическую книгу оба супруга должны лично явиться в полицейское управление... Каждый из супругов должен представить двух поручителей, для удостоверения ими, что брак, о котором заявлено полиции, не принадлежит к числу воспрещенных законом» [Васильева 2007: 46].

Таким образом, впервые для значительной части населения Российской империи была введена процедура гражданского брака. Данный порядок заключения брака допускался только для лиц, которые «принадлежат к расколу от рождения и не состоят в браке, совершенном по правилам Православной церкви или обрядам другого признанного в государстве исповедания» [ПСЗРИ 1876: 654].

Хотя государство и признало право старообрядцев на заключение брака, тем не менее оно не считало его равным православному браку. Сохранялись многочисленные ограничения: старообрядческая церковь не имела права вести метрические книги; старообрядцы не имели права заключать браки с лицами другого вероисповедания.

Еще более жесткую позицию по отношению к старообрядческому браку занимала православная церковь. Метрические записи о браках старообрядцев, числе родившихся, умерших, которые составляли старообрядческие священники или уставщики в XIX в., официальная церковь не признавала законными, так же как самих старообрядческих священников и уставщиков. Епархиальные власти стремились продемонстрировать старообрядцам альтернативу существующему положению – присоединение к православию.

Власти решили максимально использовать то, что некоторые старообрядцы крестили своих детей у православных священников. В 1843 г. императором было утверждено постановление, которым предписывалось ставить их на особый учет. В дальнейшем старообрядческие дети обязаны были соблюдать правила официальной церкви. Приходские священники должны были «продолжать назидания до достижения возраста, чтобы направить детей на обучение». Кроме того, священники уведомляли местную полицию, которая вносила в списки семей соответствующую запись и следила за исполнением детьми христианских обязанностей православной церкви [Собрание постановлений... 1863: 341]. По Указу 19 апреля 1874 г. запись актов гражданского состояния старообрядцев фиксировалась губернскими (уездными) полицейскими или сельскими волостными правлениями.

Весть об обязательном введении метрических книг старообрядческих обществ и мероприятия волостных правлений в этом направлении всколыхнули местный старообрядческий мир. В разных деревнях стали собираться сходы для обсуждения этого вопроса. Не последнюю роль в их организации и проведении сыграли уставщики, которые были самой ортодоксальной частью местного ста-

рообрядчества. Так, представители Мухоршибирского волостного правления жаловались уездному начальнику, что при сборе сведений в селах Шеролдай, Новый Заган и Мухоршибирь «уставщики дать какие-либо сведения отказались», сообщив при этом, что «так велось искони века, так пусть и ведется». Более того, давать сведения о рождениях, браках и смертях отказались и сельские старосты этих селений, «так как они тоже происходят из тех же старообрядцев» [Костров 2009: 25]. То же происходило и в других местах. Например, Никольское волостное правление «пыталось уклониться от представления требуемых сведений», а сельские писари Хонхолойского и Хараузского селений «также проявили в этом деле неоправданную медлительность». В итоге, постановлением крестьянского начальника 3-го участка Баргузинского уезда от 20 февраля 1910 г. писаря Никольского волостного правления оштрафовали на 2 руб., а сельских писарей Хонхолойского и Хараузского селений на 1 руб. каждого [ГАРБ: ф. 337, оп. 2, д. 1564, л. 25–25об.]. Вышеуказанные примеры говорят о том, что власти требовали от волостных правлений сведений, а те сталкивались с сопротивлением старообрядцев. В случае же, когда представители сельской или волостной администрации сами были из старообрядцев, то они попросту саботировали мероприятия по сбору данных. Но только саботированием действия старообрядцев не исчерпывались.

После издания Указа о старообрядческих общинах 15 октября 1906 г., согласно пунктам 24, 36, 38–58 Указа 17 октября 1906 г., каждая официально зарегистрированная старообрядческая община обязана была вести метрические книги самостоятельно. Заполнение книги возлагалось на лицо, исполнявшее обряды. Записи велись в течение года по трем стандартным разделам «О родившихся», «Об умерших», «О бракосочетавшихся», с указанием сословной принадлежности записываемого лица. Эти книги выдавались руководителям сельских зарегистрированных общин из губернского или областного правления, а в городах – из городской управы.

Ведение же метрических книг старообрядцев, не объединенных в общины, возлагалось теперь на городские общественные управления в городах и на волостные правления в сельской местности. Ежемесячно книги должны были проверяться советом общины или (в случае отсутствия совета) специально избираемым лицом. В конце года копия книги предоставлялась в губернское правление для проверки. На каждый год для записей о крещении, браке, смерти выдавались отдельные книги (однако, если она не заканчивалась, то ее продолжали заполнять).

В части записей крещений отмечались дата рождения, пол, имена родителей и восприемников, а также нареченное по святцам имя. В разделе записи смертей указывались дата смерти, звание, полное имя, место жительства, возраст и семейное положение усопшего, данные лица, «сделавшего заявление о смерти», а также место захоронения. Если же отпевание совершалось «заочно», то это также отмечалось особо.

Наиболее информативны разделы метрических книг о заключении браков. В них отмечались дата события; звание, имя, отчество, фамилия, исповедание, место жительства, возраст жениха и невесты, а также «каким браком» они сочетались. Далее записывались звание, имя, отчество, фамилия, исповедание свидетелей «в числе не менее двух», а также где и когда «произведены оглашения». Как правило, в графе об оглашении указывалось: «В храме при общине согласно книге Кормчей». Иногда указывалось конкретное название храма, например: «В храме Покрова Пресвятой Богородицы» [Там же: л. 74–76]. Наконец, в последней графе размещались подписи супругов, свидетелей и совершавшего обряд духовного лица.

А. В. Костров указывает, что начиная с 1911 г. в метрических книгах стали обязательно указывать вероисповедание, особенно в записях о заключении браков. Это было вызвано тем, что графа «исповедание» в книгах записи браков очень часто не заполнялась. Таким образом, нередко маскировались браки между старообрядцами и перешедшими из официального православия. Поэтому власти, которые хотели держать вопрос перехода из одного исповедания в другое под контролем, предписали обязательное заполнение этой графы [2009: 21].

Вообще случаи перехода в старообрядчество нередко были связаны именно с намерением вступить в брак. Хотя законом «смешанные браки не запрещались» [Свод законов... 1912: 7, 67], традиционно считалось, что муж и жена должны быть одной веры. Поэтому одному из будущих супругов приходилось менять вероисповедание.

Согласно правам, провозглашенным в указе, человек мог свободно исповедовать избранную религию только по достижению 21 года (совершеннолетия), а до этого возраста он должен был оставаться в той вере, в которой крещен. Однако, как правило, это имело отношение к случаям с переходом из православия официальной церкви в старообрядчество. Если же, напротив, появлялся желающий принять православие из среды старообрядчества, то переход совершался вне зависимости от достижения желающим совершеннолетия.

Реализовать свое право свободного перехода в старообрядчество совершеннолетний гражданин мог лишь после прохождения процедуры, установленной циркуляром МВД № 4628 от 18 августа 1905 г. Во-первых, губернатору должно было быть подано заявление о переходе с приложением метрической выписки о крещении и возрасте. Затем губернатор запрашивал духовную консисторию, не видит ли она препятствий к исключению просителя из списков православных господствующей церкви и причисления его к старообрядчеству. В консистории информацию, представленную в выписке из метрической книги, тщательно проверяли. Кроме того, требовалось провести увещевание «уклоняющегося», чтобы убедить его отказаться от заблуждений и остаться в прежней вере (заметим, что эта статья 56 Устава о предупреждении и пресечении преступлений была отменена Государственным советом 14 марта 1906 г.). После осуществления всех процедур, подававший прошение исключался из списков православных, о чем консистория сообщала губернатору, который, в свою очередь, в письменном виде извещал просителя. Справедливости ради заметим, что подобных обращений было немного, даже в таком «старообрядческом» регионе, как Забайкалье, согласно данным переписи 1897 г., здесь проживало 36768 чел. [Васильева 2007: 139].

Возможно, все дело было в громоздкой и длительной процедуре разрешения перехода. Очень часто заявление с первого раза принималось не всегда. Кроме отсутствия в прошении ряда данных препятствиями для его приема часто были недоплата или отсутствие гербового сбора. По этим причинам срок рассмотрения дела «об отчислении в старообрядчество» увеличивался иногда на 2 месяца, а иногда и до 1,5 лет.

Поэтому довольно распространенным явлением был переход в старообрядчество без подачи заявления. Будучи не знакомым с полным текстом указов, но зная, что этими актами «объявлена свобода старообрядчеству», многие из «формально православных» староверов полагали, что теперь они могут на законных основаниях считать себя старообрядцами. Исходя из таких убеждений, они в дальнейшем обращались за исполнением треб уже не в православную церковь, а к старообрядческому священнику или наставнику.

Кроме того, существовал законодательно закрепленный вариант неравноправия приверженцев старообрядчества по сравнению с православными официальной

церкви. Поскольку право перехода в староверие граждане получали по достижении совершеннолетия, а для перехода в православие возрастных ограничений не существовало, иногда возникали затруднительные ситуации. Например, когда старообрядец выбирал себе в жены девушку из православной семьи, брак не мог быть заключен, если ей не исполнился 21 год, когда она может перейти в его веру. Обычно возраст девушки «на выданье» был ниже 21 года [Миронов 2003: 168–169].

Итак, к началу XX в. наставники всех зарегистрированных старообрядческих общин были обязаны вести метрические книги, записывая в них все рождения, браки и смерти в семьях членов общины и, таким образом, становились звеном в государственной системе учета населения. По всем случаям неправильного исполнения треб проводились расследования, и виновные несли соответствующее проступку наказание.

В этой связи становится понятным, почему нередко старообрядческие наставники стремились уклониться от подобной работы и метрические книги не были столь широко распространены в старообрядческой среде, как в приходах Русской православной церкви. Кроме того, часть староверов по-прежнему с большим подозрением относилась к записи в какие-либо учетные документы. Нужно отметить, что в Байкальском регионе общины были зарегистрированы только там, где сами староверы желали этого в силу своей заинтересованности, где можно было реализовать возможности, данные законом зарегистрированной общине. В основной же своей массе старообрядцы региона отказывались регистрировать свои общины, считая это за «греховное» ограничение своего общества. Новый закон мало что давал зарегистрированной сибирской общине, особенно сельской, так как в Байкальской Сибири и уровень развития местной экономики, и степень вовлеченности в нее местных старообрядческих общин не вели к необходимости их юридического оформления.

С другой стороны, известны случаи «затягивания» выдачи книг старообрядческим общинам. Так, в иркутской общине старообрядцев, зарегистрированной 25 февраля 1908 г., метрические книги были выданы только 21 июня 1908 г. [ГАИО: ф. 279, оп. 1, д. 1, л. 13об.]. Таким образом, фактически в ней отсутствовали записи за половину года; однако записи о браках, заключенных до 1908 г., были внесены позже в последующие книги.

Зачастую при выдаче метрических книг, как и при заполнении другой документации, в действиях официальных лиц проявлялись «отголоски» старой политики по отношению к старообрядцам. Так, несмотря на то что термин «раскольник» по отношению к старообрядцам был запрещен законом, в одной из метрических книг имеется графа для записи «о рождении лиц, состоящих в расколе от рождения» [Там же: д. 3, л. 32].

Для того чтобы упростить регистрацию браков и процесс наследования имущества, старообрядцы городов и крупных торговых поселений Байкальской Сибири были заинтересованы в регистрации своих общин и ведении метрических книг. Старообрядцы в большинстве своем негативно восприняли эти нововведения. Существуют различные версии причин, это объясняющих; наиболее аргументированной представляется позиция А. В. Кострова. Он полагает, что это было связано с традиционным нежеланием старообрядцев давать о себе сведения «антихристовой» власти. Так, на территории Забайкальской области после выхода закона 1906 г. было зарегистрировано 4 беглопоповские общины. Однако вскоре 3 из них отказались от регистрации, а четвертая (в с. Тарбагатай) отказывалась и от регистрации своего наставника, и от ведения метрических книг. В среде семейских даже представители такого либерального согласия, как белокриницкое, отказались от регистрации общин и ведения метрики. Более того, мероприятия властей

по введению метрических книг в среде семейских в конце 1909 – начале 1910 г. вызвали серьезные проблемы [Костров 2009: 20–26].

В ноябре 1909 г. военный губернатор Забайкальской области направил уездным начальникам (в первую очередь в Верхнеудинский уезд как место компактного проживания семейских) две телеграммы. В одной из них предлагалось доставить в областное правление сведения о количестве старообрядческих общин и числе их членов на подведомственной территории; числе наставников и настоятелей; количестве скитов и обителей и числе в них монахов; количестве старообрядческих школ. Вторая телеграмма требовала предоставить сведения о числе рождений, браков и смертей в 1907, 1908 и 1909 гг. (за каждый год отдельно) во всех зарегистрированных и незарегистрированных старообрядческих общинах с указанием источника информации для отчета: из метрических книг, ведущихся общинами, из метрики, ведущейся волостными правлениями, или из посемейных списков каждого [ГАРБ: ф. 337, оп. 2, д. 1564, л. 76].

В ответ на этот запрос волостные правления стали подавать необходимые сведения. Но практически во всех отчетах указывалось, что метрические книги ни старообрядческими общинами, ни волостными правлениями не ведутся, и что вся информация взята из посемейных списков. Данные, полученные таким путем, не удовлетворили вышестоящее начальство и в конце декабря 1909 г. военный губернатор Забайкальской области направил на имя Верхнеудинского уездного начальника официальное письмо. В нем говорилось, что в связи с тем, что проживающие в Верхнеудинском уезде старообрядцы от регистрации общин отказались (кроме одной общины в с. Тарбагатай), то в соответствии с законом вести их метрические книги должны волостные правления. Последним предписывалось с 1 января 1910 г. вести метрические книги «с точным соблюдением требований закона». Вместе с этим письмом из Читы были присланы метрические книги (в количестве 27 штук), которые уже 11 января 1910 г. вместе с соответствующим предписанием были разосланы верхнеудинским уездным начальником по волостным правлениям [Там же: л. 15–15об.].

Для выработки общего отношения к навязываемым властями метрическим книгам старообрядцы Куйтунской, Куналейской, Брянской, Тарбагатайской, Никольской, Мухоршибирской и Окино-Ключевской волостей собрались на подпольный съезд, который проходил 8 марта 1910 г. в здании часовни села Шеролдай Мухоршибирской волости [Там же: л. 40–41об.]. Депутаты от ведения метрических книг категорически отказались и решили 20 марта 1910 г. собрать Духовный собор в с. Куналейском, высказав пожелание, чтобы на этом соборе присутствовал уездный начальник.

Однако военный губернатор Забайкальской области и верхнеудинский уездный начальник приглашения не оценили; было издано распоряжение о «недопущении» проведения старообрядческого собора 20 марта и о привлечении к ответственности лиц, виновных в организации неразрешенного съезда 8 марта 1910 г.

Меры оказались не действенными. Результаты обсуждения на уже состоявшемся 8 марта съезде и общее негативное отношение к ведению метрики было донесено до жителей старообрядческих селений участниками – депутатами и уставщиками. Таким образом, была выработана единая тактика в отношении метрических книг старообрядческих общин; в волостные и уездные инстанции шли письменные прошения старообрядцев об отказе вести метрические книги и давать информацию.

В поисках выхода из сложившейся ситуации верхнеудинский уездный начальник предполагал использовать репрессивные меры для преодоления

сопротивления старообрядцев, однако от военного губернатора достаточно неожиданно пришло разъяснение, что записи в метрические книги находятся в прямой зависимости от желания самих старообрядцев и «не составляют для них обязательства». Поэтому власти не должны принимать каких-либо «принудительных мер» по отношению к староверам, отказавшимся записываться в эти книги. Можно согласиться с мнением А. В. Кострова, что причиной подобной перемены стала реакция на жесткое введение метрических книг со стороны старообрядцев большинства селений. Отказ давать сведения, созыв и проведение съездов, планы обращаться «на Высочайшее Имя» и выступление единым фронтом – все это обострило отношения властей и староверов и, как следствие, грозило нарушением общественного спокойствия, в сохранении которого была заинтересована и уездная, и областная администрация. Более того, под натиском чиновников, которые поначалу стремились всеми силами ввести метрические книги в старообрядческих общинах, заметно активизировалась миграция старообрядцев с территории не только Верхнеудинского уезда, но и Забайкальской области [2009: 43–44].

После этого власти стали более мягко собирать и уточнять сведения о старообрядцах региона, без давления на них и с использованием доступных источников информации.

Очевидно, все эти обстоятельства способствовали тому, что часть старообрядцев вообще не спешила воспользоваться свободами, дарованными Положением 17 октября 1906 г., считая вполне удовлетворительным существование общины и вовсе необязательным получение юридического статуса. Существовало немало препятствий и ограничений для пользования этим правом. Значительную роль играло несовершенство законодательства, сохраняющего господствующее положение официального православия и неравноправие, по сравнению с ним, представителей других вер.

Через 10 лет после провозглашения веротерпимости старообрядцы восклицали: «...дерево свободы, посаженное царской властью в 1905 году, не развилось и почти ничуть не выросло за это время, оно зачахло, у него обломали немногочисленные ростки циркуляры и различного рода министерские разъяснения... осталось ободранное голое дерево, тенью и защитой которого представляется нам пользоваться» [Старообрядцы и свобода 1916: 428].

Таким образом, проблема обязательности записей в метрические книги спровоцировала один из самых серьезных кризисов как внутри старообрядческого движения, так и в его взаимоотношениях со светскими властями и Русской православной церковью. Это было связано с вмешательством светской власти в духовные дела церкви в вопросах, связанных с расколом; усложнением отношений между администрацией и староверами. Несмотря на все попытки включить старообрядческие сообщества в правовое поле светской администрации и РПЦ, в среде старообрядцев закрепились лишь отдельные элементы правовой системы, причем их исполнение взяли на себя представители самих старообрядческих общин.

Источники и литература

Государственный архив Иркутской области (ГАИО): ф. 279 «Архивная коллекция метрических книг старообрядческих общин и сект Иркутской губернии 1908–1917 гг.».

Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ): ф. 337 «Верхнеудинское окружное полицейское управление, г. Верхнеудинск (1867–1917)».

Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). – СПб., 1876. Т. 49, отд. 1. – 948 с.

- Свод законов Российской империи. – СПб., 1912. Кн. 4, т. X. – 498 с.
- Собрание постановлений по части раскола. Т. 1. Постановления Министерства внутренних дел. Вып. 1. – Лондон, 1863. – 16 с.
- Старообрядцы и свобода // Слово церкви. – 1916. – № 19. – С. 428–429.
- Васильева С. В. Власть и старообрядчество Забайкалья (XVII – начало XX в.) / С. В. Васильева. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2007. – 231 с.
- Васильева С. В. Семейное право старообрядцев дореволюционной России / С. В. Васильева // Вестник Бурят. гос. ун-та. – Вып. 7: История. – 2008. – С. 64–66.
- Костров А. В. Старообрядцы Байкальской Сибири в начале XX в. / А. В. Костров. – Иркутск: Оттиск, 2009. – 68 с.
- Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XIX в.). Т. 1 / Б. Н. Миронов. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. – 583 с.

References

- Gosudarstvennyj arhiv Irkutskoj oblasti (GAIO): f. 279 «Arhivnaya kollekcija metriceskikh knig staroobryadcheskikh obshchin i sekt Irkutskoj gubernii 1908–1917 gg.».
- Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Buryatii (GARB): f. 337 «Verhneudinskoe okruzhnoe policejskoe upravlenie, g. Verhneudinsk (1867–1917)».
- Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii (PSZRI). – SPb., 1876. Т. 49, отд. 1. – 948 с.
- Svod zakonov Rossijskoj imperii. – SPb., 1912. Кн. 4, т. X. – 498 с.
- Sobranie postanovlenij po chasti raskola. Т. 1. Postanovleniya Ministerstva vnutrennih del. Vyp. 1. – London, 1863. – 16 s.
- Staroobryadcy i svoboda // Slovo cerkvi. – 1916. – № 19. – S. 428–429.
- Vasil'eva S. V. Vlast' i staroobryadchestvo Zabajkal'ja (XVII – nachalo XX v.) / S. V. Vasil'eva. – Ulan-Ude: Izd-vo Buryat. gos. un-ta, 2007. – 231 s.
- Vasil'eva S. V. Semejnoe pravo staroobryadcev dorevolucionnoj Rossii / S. V. Vasil'eva // Vestnik Buryat. gos. un-ta. – Vyp. 7: Istoriya. – 2008. – S. 64–66.
- Kostrov A. V. Staroobryadcy Bajkal'skoj Sibiri v nachale XX v. / A. V. Kostrov. – Irkutsk: Ottisk, 2009. – 68 s.
- Mironov B. N. Social'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XIX v.). Т. 1 / B. N. Mironov. – SPb.: Dmitrij Bulanin, 2003. – 583 s.